

Как рождаются банды

Карина Абдусаламова прослеживает историю двух самых жестоких латиноамериканских банд: *M-18* и «Мара Сальватруча»

Иллюстрации: Тимур Зима

Канун Рождества 2004 года жители гондурасского города Сан-Педро-Сула проводят не у праздничных столов, ломящихся от традиционных яств, а у деревянных гробов, оплакивая смерть своих близких. Весь город бьется в истерику: магазины и рестораны закрыты, женщины в бессилии режут на главной площади, из окон домов выглядывают испуганные лица. Речь президента Рикардо Мадуро запутанна и не к месту помпезна, впрочем никто

этого не замечает: отчаяние захлестнуло улицы. Те, кого трагедия не затронула лично, понимают, что уже никто не застрахован от повторения сценария.

23 декабря 2004 года пассажирский автобус, курсировавший в окрестностях Сан-Педро-Сулы, изрешетили из проезжавшей машины двое мужчин, вооруженных автоматами Калашникова. Извергая проклятия в адрес президен-

та Мадуро, главы конгресса Порфирио Сосы и министра безопасности Оскара Альвареса, убийцы скрылись с места преступления. В ходе обстрела погибло 28 человек, 29 получили тяжелые ранения. Пассажирами были домохозяйки, школьники и обычные работяги, которые возвращались домой после работы и рождественского шопинга. Салон оказался усеян обломками новогодних игрушек, кусками упаковочной бумаги и ошметками еды, купленной к празднику.

Как выяснилось позже, атаку совершили члены банды *MS-13* (или «Мара Сальватруча») в ответ на планы правительства прибегнуть к радикальным методам борьбы с членами криминальных группировок: осужденных за бандитизм должны были приговаривать к смертной казни.

Прославившаяся своей жестокостью банда *MS-13* была основана в Лос-Анджелесе нелегальными эмигрантами из Сальвадора, которые наводнили «нерезиновый» Эл-Эй в 80-х, бежав из страны, охваченной пожаром гражданской войны. Как объясняют старожилы «Сальватруча», создание группировки было вынужденной мерой защиты эмигрантов от насилия со стороны других уличных банд, вроде *18th Street*. Интересно, что похожую причину они называют и для того, чтобы оправдать террор, который устроили в родном Сальвадоре, — только теперь они защищают народ от правительства. Укоренившись в Калифорнии, банда начинает распространять свое влияние на остальные части США, Канаду и — в связи с массовой депортацией головорезов на родину — в Центральную Америку. В тюрьмах члены банды заводят новые знакомства, вербуя в нее одиноких бунтарей — выходцев из Мексики, Гватемалы, Гондураса и других латиноамериканских стран. В 2012 году уличная банда, созданная сальвадорскими проблемными подростками, признана федеральными властями США транснациональной криминальной организацией.

Существует несколько версий происхождения названия банды. Согласно первой, имя *salvatrucha* в Сальвадоре носит вид бродячих муравьев. Вторая связывает группировку с одно-

именным крестьянским движением партизан из Сальвадора. *A mara*, укороченный вариант слова *marabunta*, в сальвадорском сленге означает примерно то же, что английское *gang*, то есть «банда». Другое название, *MS-13*, является своеобразным оммажем группировке *Los Emes*, или *The Ms*, — мексиканской банде из Эл-Эй, которая в свое время снабжала еще не окрепших молодых гангстеров работой и оберегала от плохих парней из соседних кланов. 13 — место, которое буква «М» занимает в латинском алфавите. Вот такая история о настоящей дружбе и умении быть благодарным.

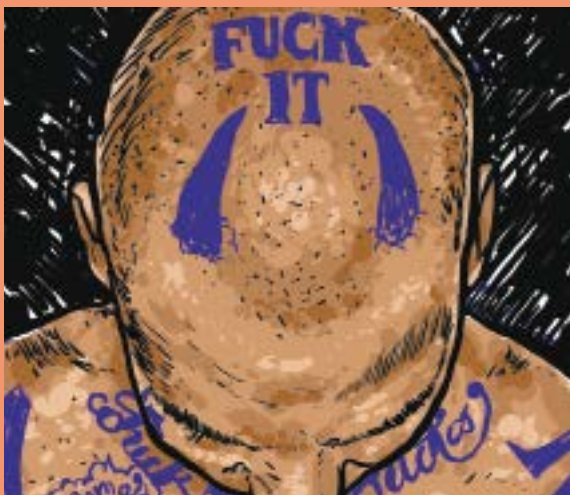
Заклятый враг «Мара Сальватруча», банда «18-й улицы» (*18th Street gang*), кажется, уже пережила свою молодость: хотя в самом Сальвадоре об обеих группировках говорят с одинаковой ненавистью, в криминальных хрониках *MS-13* встречается намного чаще. «Восемнадцатая» двумя декадами старше «Сальватруча»: в Лос-Анджелес эти ребята приехали раньше, также снискали славу самой жестокой группировки, но мирового признания не достигли —

Весь город бьется в истерике: магазины и рестораны закрыты, женщины в бессилии режут на главной площади, из окон домов выглядывают испуганные лица.

Члены обеих банд любили продемонстрировать свою преданность «семье», делая татуировки гигантских цифр «13» или «18» прямо у себя на лице или на лбу у любимой девушки

власти США им никакого статуса не присудили. Зато в 2008 году на Международном кинофестивале в Сан-Себастьяне была представлена документальная картина *La Vida Loca* («Сумасшедшая жизнь»), посвященная быту *M-18*. В фильме члены банды предстают эдакими наивными страсготерпцами: одни пытаются завязать с криминалом и открыть булочную, другие — вернуть родительские права и начать новую жизнь. Однако хеппи-энда в документалистике не подстроишь: благие порывы главных героев заканчиваются либо смертью, либо тюрьмой. Кончина самого режиссера фильма, французско-алжирского журналиста Кристиана Поведа, могла бы органично вписаться в его картину: через год после релиза он снова наведялся в Сальвадор, где и был застрелен.

Помимо выпекания кренделей и воспитания детей, члены банды занимаются грабежом, продажей наркотиков, рэкетом, похищениями, организацией и координацией детской (и обычной) проституции, убийствами членов враждебных группировок, частных предпринимателей, отказавшихся платить им выручку, и случайных прохожих. Так, например,

в 2007 году Хулио Чавес из *MS-13* застрелил мужчину на улице, приняв его за члена банды *The Bloods* потому лишь, что прохожий был одет в красный свитер. Внимательнее подбирайте свой гардероб для поездки в Сальвадор.

У каждой банды имеются собственные культурные коды, такие

как цвета, жесты, татуировки и даже музыка. В одежде члены «Мара Сальватруча» предпочитают синий и белый цвета, тогда как «Восемнадцатая» носит синий и черный. Нередко, чтобы избежать путаницы в цветовых сочетаниях, члены *M-18* просто покупают футболки спортивных команд вроде *Los Angeles Dodgers*, *Dallas Cowboys* или *Oakland Raiders* с цифрой «18» на спине. Сложно в это поверить, но, помимо смекалки, члены банд нередко наделены математическими талантами: изобретательность группировок в секретных знаках и кодах поистине не имеет границ. Иезуиты из «18-й улицы» используют следующие цифровые комбинации: XV3, XVIII, 666, 99 и (9+9=18). Ребята из «Мара Сальватруча» попроще: они повсюду лепят число «13» или используют телефонные коды США, чтобы обозначить регион, откуда они родом. Наиболее популярными татуировками у *MS-13* являются орнаменты в стиле майя, цифры, патетические изречения о Боге, матушке и братьях по банде, особенно полюбилась гангстерам металлическая «коза» — рога дьявола в форме буквы «М». В прошлом члены обеих банд любили продемонстрировать свою преданность «семье», делая татуировки гигантских цифр «13» или «18» прямо у себя на лице или на лбу у любимой девушки. Сейчас на такое идут только самые непробиваемые тупицы: жителей Сальвадора с подобными татуировками копы без вопросов и объяснений сажают за решетку.

У всех без исключения банд есть свои традиции, девизы и некий «кодекс чести». Так, обряд инициации новых членов представляет собой коллективное блиц-избиение новичка остальными членами банды: у «18-й улицы» посвящение занимает 18 секунд, у *MS-13* — как ни странно, 13. Не обходят это правило и представительницы прекрасного пола: в этом случае женщин избивают женщины. По одной

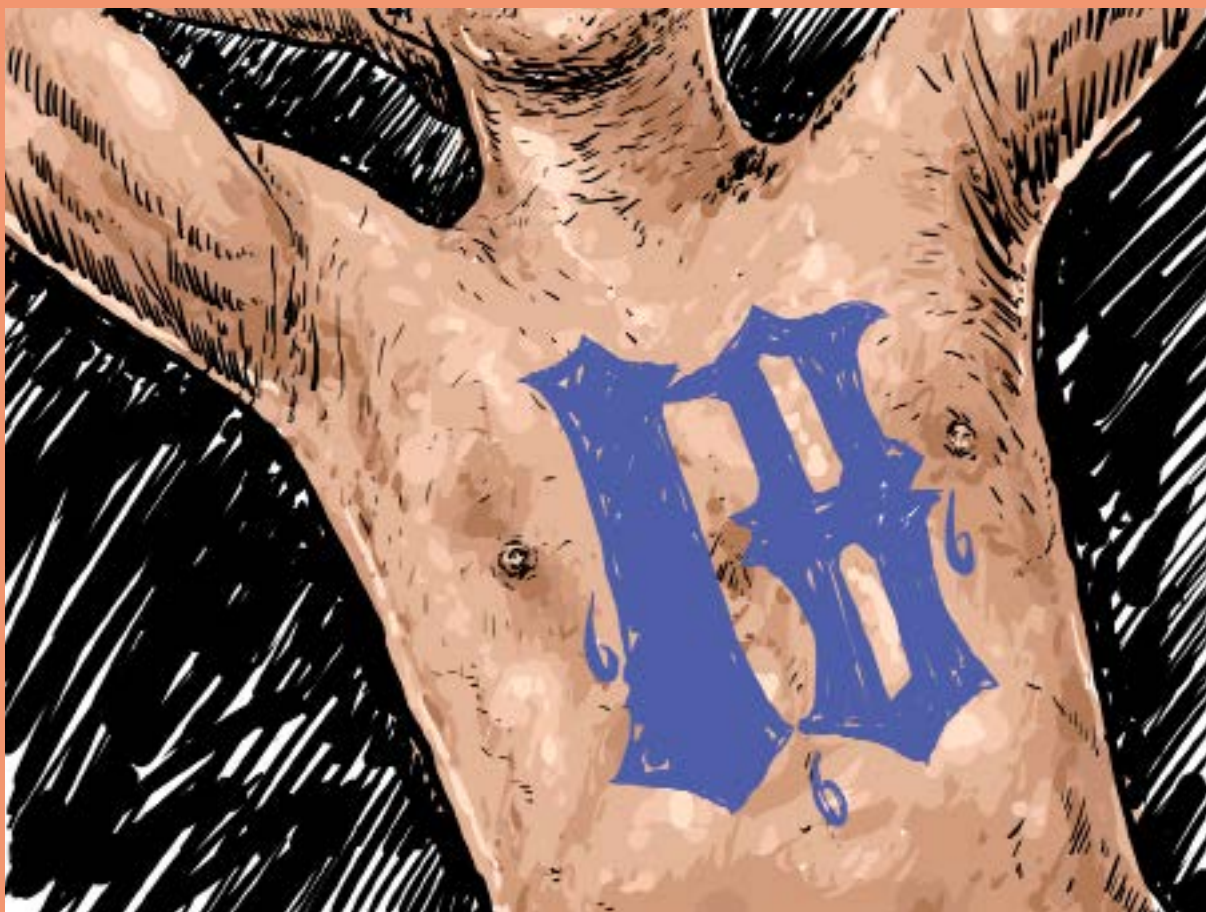

Обряд инициации новых членов представляет собой коллективное блиц-избиение новичка остальными членами банды: у «18-й улицы» посвящение занимает 18 секунд, у MS-13, как ни странно, 13

из версий, в некоторых ответвлениях банд посвящение для женщины оборачивается групповым изнасилованием. Однако одного обряда недостаточно: после инициации новичку необходимо доказать преданность своей «семье», закрепив статус убийством члена из конкурирующей группировки. Дальше жизнь входит в свою привычную колею: гангстеры ошиваются по окрестностям, раскуривая крэк и угрожая жителям расправой, вербуют запуганных школьников, насилуют девушек, иногда выезжают на «задания». Журналисты *BBC* в свое время сняли серию документальных фильмов о сальвадорских бандах. В одной из картин они разговаривают с 16-летним подростком

о том, как ему удастся хладнокровно убивать людей. Он с детской открытостью отвечает, что первое убийство никому не дается легко, поэтому традиционно новички накуриваются крэком до одури — и все перестает иметь значение. «А последующие убийства — дело привычки», — простодушно подытоживает юнец.

Идеологическая установка «Мара Сальватруча», лишенная всякого жеманства, гласит: «*Mata, Viola, Controla*», — что переводится как «Убивай, насилуй, подчиняй». Любопытно, что, даже будучи безжалостными душегубами, члены банды не забывают о Боженьке — среди других популярных девизов мы находим, например, такой: «Живешь ради Бога и матери,

Идеологическая установка банды «Мара Сальватруча» гласит: *«Mata, Viola, Controla»*, — что переводится как «Убивай, насилуй, подчиняй»

а умираешь ради банды», — или вот этот: «То, что принадлежит Богу, — принадлежит Богу, но то, что не принадлежит ему, — наше».

Кроме Бога, гангстеры беспрекословно подчиняются «кодексу чести» — своду правил, которыми определяется, что такое хорошо, а что не очень для по-настоящему плохих парней. «Контрольный суд» у них военно-полевой: смертные приговоры незамедлительно выносятся за сотрудничество с властями, выход из банды или переход в другую группировку и даже сведение татуировок.

Хип-хоп-культура западного побережья популяризировала образ плохого парня из трущоб:

татуировки, пушки, телки и наркота стали частью масскульты и начали существовать сами по себе. И пока подростки с окраин Волгограда снимают себя на телефон, стоя перед зеркалом с игрушечным пистолетом и в шапке, натянутой на лоб, на родине гангстеров, в Сальвадоре, на население численностью в 6 миллионов человек

приходится 25 тысяч преступников, состоящих в бандах, не считая 9 тысяч, которые сидят в тюрьмах. Тюрьма для молодых сальвадорских сорвиголов является не столько наказанием, сколько университетом: здесь они заводят полезные знакомства, приобретают необходимые для гангстера навыки и в целом беззаботно коротают месяцы и годы в компании друзей. Вследствие коррумпированности государственных институтов криминальные авторитеты умудряются координировать деятельность своих банд прямо из камеры, что лишает саму идею тюремного заключения всякого смысла. Кажется, в венах жителей Сальвадора течет

горькая гангстерская кровь — они уже рождаются с желанием выбивать на лбу цифры и расстреливать пассажирские автобусы. Или нет?

Что заставляет молодых людей вступать в банды? В первую очередь нужно отметить, что в крупных городах Центральной Америки трущобы поделены на территории, подконтрольные бандам — *MS-13* или *18th*. В таких условиях все жители в той или иной степени задействованы в бандитских заварушках: усатый аптекарь вынужден платить, потому что его лавочка находится на территории одной банды, которая «защищает» аптекаря от налета другой банды. Водитель автобуса и пассажиры облагаются данью, когда проезжают определенные районы города. А если у продавщицы фруктов красивая дочка, которая приглянулась мелкопоместному криминальному авторитету, то с надеждами на светлое будущее девочке придется распрощаться: уже через год она с ребенком на руках будет носить посылки мужу в тюрьму.

Банды вербуют новых членов с малолетнего возраста: *M-18* в шутку даже называют «детской армией», потому что они не брезгают рекрутировать в свои отряды учащихся начальной школы. Однако, если вдуматься, их тактика перестает казаться актом отчаяния и обретает смысл: идеологически банда пытается заменить своим членам семью, она предлагает защиту и финансовую независимость в обмен на верность «братьям». Многие дети, живущие в неблагоприятных районах, лишены родительской опеки, и для них вступить в банду — значит обрести друзей и поддержку. Обвешанные золотом гангста-рэперы, которых они видят по телеку, также лишний раз убеждают юнцов в правильности их выбора. Таким образом, у людей здесь, по сути, нет альтернатив, а следовательно и выбора. Но существует и другое мнение.

В самом туристическом месте Сальвадора — на серф-пляже Эль-Тунко (что переводится как «свинья») — мне встретился преподаватель серфинга и английского языка Нельсон. Как и все остальные серферы, он был загорелым, похотливым и глуповатым. Поскольку было очевидно, что он сгорал от желания поговорить о политике, я завела разговор о бандах.

Веселость мигом слетела с его лица, сменившись криками о том, что эти ублюдки насилюют местных девушек, шмалят дурь и грабят пенсионеров, оправдывая свои поступки средой и отсутствием выбора. А он, Нельсон, вырос в одном из таких районов среди мерзости, нищеты и несправедливости, но смог-таки противостоять обстоятельствам — сейчас он учитель серфинга и английского. А началось все с того, что его брат был убит в перестрелке между двумя бандами, оказавшись в неправильное время в неправильном месте. Сам Нельсон оставаться в Сан-Сальвадоре после этого больше не мог. Он уехал на побережье страны обучать бледных европейских студенток искусству оседлывать волны. И вышло у него это просто замечательно: пару месяцев назад Нельсон женился на датской снежинке и перебрался жить в город с невыговариваемым названием *Norresundby*. Такая вот мораль в истории о выборе, который есть всегда.

Теорий, объясняющих, почему в крохотном центральноамериканском государстве градус криминала зашкаливает, существует немало.

В Сальвадоре на население численностью в 6 миллионов человек приходится 25 тысяч преступников, состоящих в бандах, не считая 9 тысяч, которые сидят в тюрьмах

М-18 в шутку называют «детской армией», потому что они не брезгают рекрутировать в свои отряды учащихся начальной школы

Большинство из них основной причиной называет гражданскую войну, которая разразилась в стране в конце 70-х и продолжалась 13 лет. Война, унесшая жизни 75 миллионов человек, истребившая коренное население страны, сделавшая сотни тысяч людей беженцами, — дело рук не только правительства Сальвадора. Соединенные Штаты, кипами высылающие нелегальных эмигрантов обратно в страну с криками: «Заберите свое, нам такого не нужно!» — являются главными фигурантами дела о геноциде сальвадорцев.

Гражданская война формально велась между правительством страны и народно-патриотическими партизанскими силами, объединенными во Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти, который был главным сальвадорским революционером и убежденным коммунистом. Однако в действительности это был конфликт между правыми и левыми, что в условиях холодной войны не могло остаться без внимания. Администрация Рейгана и Картера крайне встревожилась после победы революции на Кубе, а когда в Никарагуа к власти пришли левые сандинисты, и вовсе забила тревогу. Рейган не без оснований опасался, что, если ближайшие соседи Штатов — страны Латинской Америки — полевуют, война с СССР будет проиграна.

Ситуация в Сальвадоре к 1979 году уже была накалена до предела: вплоть до 60-х годов XX века власть в стране была сосредоточена в руках аристократической верхушки, народ фактически не имел права голоса. Однако в связи с международными событиями в низы проникли идеи о равенстве и братстве, и началось шевеление. Под предлогом борьбы за права человека администрация Рейгана начинает снабжать ультраправую сальвадорскую хунту военной помощью. «Эскадроны смерти» (полуправые военизированные организации, занимавшиеся убийствами, пытками и по-

хищениями неудобных) во главе с «палачом Сальвадора номер один» отставным майором Д'Обюссоном истребили более 13 тысяч человек, они замешаны в смерти четырех американских монахинь и архиепископа страны Оскара Ромеро. В страну были посланы десятки военных советников, а смертность среди гражданского населения в результате правительственных бомбардировок составила 1200 человек в месяц.

Апогеем абсурда стал жест президента Дуарте, который после выступления на встрече в Белом доме поцеловал американский флаг в знак благодарности. Война закончилась победой режима. А банды, образованные бежавшими от ужасов войны людьми, стали внебрачными детьми беспринципной внешней политики Америки времен Рейгана и Картера.

Я приехала в Сан-Сальвадор, чтобы посмотреть своими глазами на город из грустных документалок *BBC*. В парке «Кускатлан» (*Cuscatlan*) высится мемориальная стена из черного гранита с бесконечными буквами, выцарапанными на камне, — это имена исчезнувших и погибших в ходе Гражданской войны. Минуты две назад из парка отъехал автобус с японскими туристами: в знак памяти они налепили на стену цветные оригами — крохотных лебедушек из бумаги. Когда заканчивается черный гранит с именами, начинается история страны, рассказанная в картинах настенной росписи. «Это Кадехо, — объясняет мне мой сальвадорский друг Эдуардо, — мифический зверь, похожий на черную собаку. По легенде, он приносит несчастья». На фреске Кадехо пролетает по небу над головой повешенного индейца. В конце стены, на послевоенном отрезке, нарисованы счастливые смуглые лица. «Это они еще не знают о новом сюрпризе — посылке из Штатов», — мрачно шутит Эдуардо.

Мемориальную стену жертвам гангстерской войны в Сальвадоре еще не возвели — придется ехать в трущобы, чтобы понаблюдать за памятником нерукотворным. По лицу Эдуардо видно, что ему не очень по душе эта идея, но он соглашается отвезти меня, потому что иначе я пойду пешком и одна. Он предупреждает, что, скорее всего, нас ограбят, но мо-

гут и застрелить, если мы неудачно перейдем границу между двумя подконтрольными территориями. Въезжаем в район Сан-Мигелито: и без того не самый симпатичный город в мире перетекает в зону мрака. Здесь, как в картине Магритта «Империя света», ночь царит даже в самый солнечный день. Останавливаемся у парка «Сентенарио» (*Centenario*) и выходим из машины: первое, что я вижу, — это граффити *MS-13*. Я осторожно достаю телефон, чтобы сделать снимок, — Эдуардо мотает головой, еле удерживаясь от фейспалма. За нами следят сразу с четырех позиций. Кто-то начинает свистеть. «Один кружок — и в машину. Только один — вокруг этого здания», — прошу Эдуардо с надрывом в голосе. Мы продвигаемся дальше: навстречу нам ковбляют босоногие старухи, дети играют в грязных лужах с кусками мокрого картона, за углом мы натываемся на толстую недружелюбную проститутку. Потихонечку и я проникаюсь здешним настроением уныния и безысходности. Метрах в десяти от нас

замечаю ушлого мужичишку, маленького, но с ножом. «Ну я насмотрелась, давай уже, поехали, что ли», — пытаюсь совладать с собой, говорю я. Наш пешеходный тур не продлился и пяти минут.

В гостинной престарелая матушка Эдуардо гипнотически щелкает пультом телевизора: вот в новостях рассказывают об убийстве, которое произошло сегодня недалеко от парка, где мы припарковали машину. Внимание старушки на этом долго не фокусируется, она переключает канал: толстяк, окруженный аппетитными латиноамериканскими девочками, начитывает историю о сложной гангстерской доле, распальцовываясь на камеру. Бабуля выключает телевизор и со вздохом произносит: «Я в церковь. Увидимся вечером». Сальвадор, Спаситель. **М**